

СКРЫВАЮТ ЛИ ОТ НАС В ШКОЛЕ ПАДЕЖИ?

Время от времени в социальных сетях попадаются заявления типа: «Вся правда о количестве русских падежей» или «Эти падежи от нас скрывали!». Авторы столь смелых высказываний порой увеличивают число падежей более чем вдвое! И начинается плач о порче языка предков, о деградации русской речи и прочем.

Конечно, нет никакого сомнения, что со временем язык меняется. Да, есть основания предполагать, что раньше могло быть больше падежей. Но прежде чем приступить к разбору, действительно ли мы потеряли те перечисляемые авторами высказываний важные падежи (и потеряли ли?), определимся: а что такое «падеж»?

В Лингвистическом энциклопедическом словаре сказано, что падеж — «грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом»*. Ну а если проще, это способ выражения отношений между словами в предложении. А поскольку язык — зеркало действительности, падежи так или иначе отражают взаимоотношения между предметами, явлениями и процессами.

Если мы хотим назвать некую грамматическую категорию падежом, то должны сначала выделить в тексте слова с особым окончанием и с особой ролью в предложении. Кроме того, эта грамматическая категория должна распространять своё действие на значительное число слов (желательно — на тысячи, а ещё лучше — на все слова какой-либо части речи). Последний пункт тоже важен, потому что одна из главных особенностей правил грамматики — регулярность, то есть способность влиять на большие массивы лексики.

* Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990, с. 355.

Посмотрим же внимательнее, какие из «дополнительных» падежей могли присутствовать на самом деле в русском языке, а какие — нет.

Звательный падеж. Да, такой существовал в древнерусском языке, и от него остались некоторые словоформы («отче», «старче», «владыко»). Но этот падеж рано выпал из употребления, потому что смешался с именительным, и со временем его заместил так называемый новозвательный. У него образуется особая форма при склонении в единственном числе — это усечённые варианты имён собственных («Маш», «Петя» при именительном падеже «Маша», «Петя») и некоторых нарицательных существительных («пап», «мам» при начальной форме «папа», «мама»). Можно сказать, что перед нами нулевое окончание. Во множественном числе новозвательный падеж по внешнему виду совпадает с именительным и отличается от него только особой интонацией при произнесении.

У этого падежа есть особое значение — *указание на лицо или предмет, к которому мы обращаемся*. И в предложении он служит обращением! Слов, на которые распространяется этот падеж, не так много, возможно, около сотни (а вот в древнерусском языке похожих слов было гораздо больше).

Таким образом, можно говорить, что звательный падеж в русском языке был и остался, хотя ныне его употребление значительно ограничено (он используется в основном в разговорной речи у небольшого числа слов). И утверждать наличие звательного падежа можно только с некоторыми оговорками, лучше именовать его «новозвательным», потому что древнерусский аналог от него отличается.

Местный падеж. Да, он был в языке, имел несколько различных окончаний в зависимости от типа склонения и, главное, употреблялся без предлога. Нашим предкам достаточно было сказать что-то типа «жилъ Ярославѣ» или «былъ Ростовѣ», чтобы все поняли, что кто-то находился в том или ином городе.

Сегодня этот падеж сменился предложным, который, используя различные предлоги, более точен и у него больше

значений: не только указание на место («живу в России»), но и, например, на объект мысли «думаю о Москве».

Существует и так называемый *новый местный*, он же — «второй предложный»: «в лесу», «в Крыму», «в Раю», «на двери», «в ночи» и пр. У него есть свои окончания, но лишь в единственном числе («-ý/-ю» для мужского рода: «на шкафу», «в аэропорту»; «-й» для женского рода: «в степи», «в крови»). Однако с особым значением и функцией в предложении у этого «нового местного падежа» не всё так гладко: обстоятельством места могут служить и обычные формы предложного падежа с типичными окончаниями («на земле», «на горе», «в море», «на человеке» и т. п.). Кроме того, эта грамматическая категория распространяется всего на несколько сотен существительных, которых в русском языке тысячи.

Так что мы можем говорить, если угодно, о «местном **субпадеже**» как о части предложного: словесная база и особые окончания у него всё же есть, однако нет специфического значения и отдельной синтаксической функции.

Количественно-отделительный падеж. Это формы типа «выпей чаю» вместо «чая», «возьми мёду» вместо «мёда», «добавь сахару» вместо «сахара». Такого в древнерусском языке точно не было, хотя встречались выражения вроде «нѣтъ меду», но это потому, что раньше слова склонялись иначе.

А есть ли количественно-отделительный падеж сегодня? Собственной формы у него как таковой нет, она омонимична дательному падежу («к чаю», «к сахару»), особой функции в предложении — тоже: «выпить (чего?) чая/чаю» — в обоих случаях это будет косвенное дополнение. Однако мы видим специфическое значение — использование или употребление лишь некоторой части какого-то вещества: «налей мёду», «сыпани сахару», «дай (немного) сыру». Что касается распространённости этой грамматической категории, то она охватывает всего лишь две-три сотни слов мужского рода, у которых корень состоит из одного-двух слогов.

В итоге мы видим, что и этот случай можно назвать только «субпадежом», да и наша лингвистическая традиция давно именуется его «вторым родительным».

Счётный падеж. «Десять грамм» вместо «граммов», «две мастерских» вместо «мастерские», «два рядá», но «нет рýда» и пр. Такого в Древней Руси тоже не наблюдалось, да и сейчас перед нами — скорее, особенности управления в конструкциях «числительное + существительное/прилагательное». Тем более — в родительном падеже множественного числа, где сосуществуют несколько окончаний, а потому наблюдается их смешение в разговорной речи. Это отдельная «головная боль» как лингвистики, так и методики преподавания русского языка как родного или иностранного. Кстати, до сих пор рекомендуют говорить «две/три/четыре мастерские» (согласование в числе и падеже), а не «мастерских», чтобы не путать с мужским родом: «два/три/четыре проездных» — тут уже числительное управляет родительным падежом множественного числа. Таким образом, любая попытка подвести под этот «падеж» словесную базу оказывается несостоятельной. Нет и какой-то особой формы, равно как и функции в предложении.

Перед нами не падеж, а просто набор форм, обусловленных синтаксической конструкцией или колебаниями окончаний в разговорной речи. Единственное, что заслуживает внимания, — это случаи типа «два шагá» и «три часá»: в них сохранились остатки древнерусского двойственного числа, имевшего свои особые окончания. Поэтому и ударение другое.

Отложительный падеж. «Из лесу», «из дому»... В древнерусском языке этого падежа не было: ещё на стадии праславянского он слился с родительным. А примеров типа «из лесу» в современном русском немного, и все они являются просто особыми формами, возникшими в ходе развития русского языка, скорее всего — в диалектах. Точка отправления выражается обычно родительным падежом («из земли», «из моря», «из шкафа»), поэтому о каком-то специфическом значении

речи нет. А синтаксическая функция всех подобных предложно-падежных форм — служить обстоятельством места.

Итак, перед нами — лишь отдельные необычные словоформы, но никак не особый падеж.

Лишительный падеж. «Не знал правды» (но «знаю правду»), «не видел Иры» (но «вижу Иру») и пр. Такого падежа в древнерусском языке не было. Да и сейчас — тоже... Где у нас особая форма? Окончание совпадает с родительным. Где особое грамматическое значение? «Нет мамы», «лишили мамы» — это обычный родительный падеж. Где особая роль в предложении? Косвенное дополнение, ничего странного.

Нет, перед нами снова просто набор словоформ, употребление которых обусловлено конструкцией (с некоторыми глаголами при отрицании).

Ждательный падеж. «Жду маму/письма», «ожидает прибытия». И такого в древнерусском не встретим... Да и сегодня тоже. Вы сами можете увидеть отсутствие особой формы (совпадает либо с родительным, либо с винительным падежом), специфического значения (ну, ждём мы кого-то, и что дальше?), отдельной роли в предложении (это по-прежнему дополнение) и массовой словесной базы...

В общем, это лишь особенности управления при глаголе «ждать» и его производных. Снова конструктивно обусловленные изменения формы слова.

Превратительный падеж. «Взял в жёны», «пошёл в танкисты», «пролез в профессору», «баллотируется в президенты»... Такой падеж в древнерусском отсутствовал. На сегодняшний день мы имеем лишь особую форму (как именительный множественного, но с предлогом «в») и, частично, значение, ведь при самом глаголе «превратиться/превращаться» стоит обычный винительный: «превратились в птиц». Какой-то специфической синтаксической функции нет (косвенное дополнение), как и охвата значительной массы слов. Более того, употребление подобных словоформ явно вызывается конструкциями типа «пойти в ...», а фразы типа «баллоти-

роваться в президенты» даже близки к фразеологизмам.

Следовательно, никакого особого падежа и сегодня мы не наблюдаем, максимум — «субпадеж» винительного множественного, да и то вряд ли: слишком уж велико его тяготение к конкретным синтаксическим конструкциям.

...Остаётся, пожалуй, последний вопрос — откуда же взялись все эти странные словоформы? Их появление обусловлено историей развития нашего языка.

Важно знать, что типов склонения в древнерусском языке было больше: шесть против трёх современных. Именно в процессе перестройки системы склонения существительных, в ходе слияния старых типов в новые и родились странные колебания окончаний и специфические формы слов.

Например, особые окончания местного «субпадежа» у слов мужского рода пришли из бывшего третьего склонения («въ меду» — «в меду»), распространившись на новые слова («въ лѣсѣ» — «в лесу»). А странная форма «превратительного падежа» есть не что иное, как осколок древнего винительного множественного: встарь тот совпадал с именительным даже у одушевлённых существительных («увидѣль сыны свои», хотя сегодня мы бы сказали — «увидел сынов своих»).

Итак, теперь мы знаем, что в древнерусском языке было 7 падежей: *именительный, родительный, гательный, винительный, творительный, местный и звательный*. А в современном русском 6 падежей, вы их знаете ещё со школьной скамьи, и к ним можно с оговорками добавить новозвательный (который «Сань!», «пап!», даже «тётъ Нин!» и т. п.). Остальные якобы «исчезнувшие падежи» на поверку оказываются либо частными случаями основных шести падежей (как новый местный и количественно-отделительный), либо просто особенными формами слов, чьё появление вызвано или синтаксической конструкцией, или историей развития языка.

Алексей ЛЕБЕДЕВ,
лингвист.